

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ИСТОРИЯ СЕЛЬСКОЙ РОССИИ 1905-1930 гг.

ШАНИН Теодор - профессор Манчестерского университета, ректор Московской высшей школы социальных и экономических наук, содиректор Центра крестьяноведения и сельских реформ.

Согласно первой переписи 1897 г. население России состояло из 2.500.000 промышленных рабочих, 1.200.000 солдат, 1.000.000 служащих, 300.000 арестантов, 17.000 студентов и 100 млн. крестьян- более 85% населения империи. Количественно крестьянство было Россией. Совсем иначе, конечно, на уровне российской политической экономики: и власть, и богатство сосредоточивались вне крестьянской деревни. Однако многие из ведущих русских ученых и политиков тех времен не сомневались в том, что именно огромное крестьянское большинство страны - его устойчивость, как и его изменения, экономические процессы в нем, и их влияние в городах России, его возможный радикализм и способность (неспособность) влиять на результаты политической борьбы - определяют будущее российского общества в целом. Многие из них понимали, что перелом, решительный и необратимый поворот в истории их страны близок. Поскольку язык классового анализа был широко принят и в политических "верхах", и у тех, кто бросал им вызов, противоборствующие стороны ясно и "социологично" определяли тогда этим способом свои цели и представления о будущем. П.А. Столыпин, самый эффективный из царских премьер-министров, призвал "делать ставку не на худых и пьяных, а на крепких и сильных" российской деревни - на формирующийся класс капиталистических фермеров, "призванный сыграть роль в перестройке нашего царизма на сильной монархической основе"¹. Либералы России воспринимали капиталистическое развитие и усиление среднего класса как естественный порядок вещей - социальную базу неизбежного движения страны на пути к конституционному развитию и своей власти. В представлении марксистов развитие капитализма западного образца также было неизбежным, но вело по пути социального расслоения и пролетаризации большинства крестьянства к столь же неизбежной пролетарской революции и созданию общества их мечты.

Представителям каждого из этих трех направлений политической мысли раскрестьянивание России виделось важнейшим условием реализации их самых сокровенных и далеко идущих планов. В процессе имущественного расслоения должен был появиться и стать преобладающим класс, призванный обеспечить светлое будущее: мощный отряд монархически настроенных "крепких" мужиков, широкий слой естественно пролиберальных средних классов, или, наконец, боевая армия революционного пролетариата. Четвертый из важнейших идейных миров России - народническая вера в "народную революцию" - предполагал, что крестьянский класс достаточно и естественно сплочен, чтобы противостоять процессам капиталистического расслоения. Теоретический анализ процессов социальной дифференциации крестьянства и стратегии политических элит переплелись в России на заре нового столетия².

Не удивительно, что в начале века Россия была ведущей в мире в исследованиях крестьянства. В последние десятилетия XIX и первой четверти XX вв. здесь была собрана громадная информация чрезвычайно высокого качества по селу, что объяс-

Статья представляет собой специально переработанный для русского издания вариант статьи, опубликованной в журнале Cambridge Anthropology". 4(1978). № 1. На русском языке публикуется впервые.

няется как указанными политическими соображениями, так и особыми для того времени историческими реалиями сосуществования в одной стране массы традиционного крестьянства с высоко развитой и преданной "делу народа" академической наукой и интеллигенцией. С 1880-х гг. многие из земств стали оплотом либерального дворянства и разночинской интеллигенции, считавших познание жизни крестьян и улучшение условий их существования своей важнейшей задачей. Земские службы занимались сбором и анализом этой информации. Вмешательство со стороны царского правительства (в ряде регионов исследования крестьянства долгое время были просто запрещены) не остановило эту деятельность. То, что правительство отстранило от должностей многих университетских, как и потенциальных ученых, за "неблагонадежность", ссылая их "под надзор" в "провинцию", имело следствием постоянное пополнение рядов исследователей крестьянства.

Собранные земствами данные составили к 1917 г. более 3000 томов. Этот обширнейший материал содержал целый верев новых, чрезвычайно интересных методологий. Развитие исследований сковывалось отсутствием общенационального научного центра, но это также служило еще одной причиной обогащения методологии и экспериментирования с ней. Десятки автономных центров создали сотни методических приемов, часто выходящая первопроходцами.

Потребности первой мировой войны, а позже стремление Советской власти к планированию в масштабах всей страны привели к становлению всероссийской системы сбора сельской информации с употреблением земских методических наработок 1890-1913 гг. На этой базе в 1920-х ЦСУ осуществляло ежегодный мониторинг репрезентативных обследований около 600000 крестьянских хозяйств с помощью очень тонких исследовательских методик, которые были во многом уникальными и непревзойденными в последующие годы в России и вне ее.

Принимая во внимание наличный объем информации и знаний, российская и советская аграрная политика 1906-1930 гг. на удивление изобилует неожиданными результатами и неудачами. Принятый политический курс повлек за собой неожиданные последствия, кризис и попытки преодолеть его путем выработки нового политического курса, а часто и расправ, затем новый зигзаг и опять внезапный тупик. И так с удручающим постоянством. Многие положения, общепринятые при рассмотрении аграрной истории России в 1900-1930 гг., входят в явное противоречие с эмпирическими данными. А наличие у этих проблем российской истории и историографии аналогий в современной социологии и экономике так называемых "развивающихся обществ" придает их рассмотрению более широкую значимость.

Представления политиков России, а также большинства ее теоретиков и просто образованных людей о динамике крестьянского общества в начале XX века можно обрисовать в нескольких словах. Представления основывалось на переплетении известного из социальной истории Западной Европы с данными по России в рамках историографической модели глобального "прогресса" всех стран по единой лестнице этапов и форм³. Предполагалось, что экономическое развитие любого общества неизбежно сопровождается ростом "разделения труда", формированием рыночных отношений, накоплением капитала и социальным расслоением населения. Считалось, что хотя эти процессы развиваются прежде всего в городе, они с некоторым опозданием охватывают и деревню. Зажиточные, крупные и лучше оснащенные крестьянские хозяйства, в которых основной капитал достаточно высок, накапливают капитал быстрее, чем маломощные хозяйства. Накопление экономических преимуществ одного типа хозяйств и отставание других поляризует крестьянское общество. Зажиточные хозяйства превращаются в капиталистических предпринимателей; бедняки теряют свои земли и становятся безземельными наемными работниками, продающими свою рабочую силу владельцам крупных хозяйств и/или городским предпринимателям. Некоторые черты крестьянского семейного хозяйства сохраняются какое-то время в "среднем" крестьянстве, но и они постепенно "раскрестьяниваются" в процессе экономического развития. С ними исчезают остатки "традиционного" общества. На смену ему

в деревне окончательно приходит новая социальная структура, определяющая капиталистический строй сельского хозяйства.

Этому взгляду противостояло русское народничество, которое исходило из, по крайней мере, относительной устойчивости крестьянства как особой социальной общности. Даже во время недолгого преобладания в российском правительстве эсеров в 1917 г. руководство этой партии фактически отказалось от проведения "народнических" требований в своем политическом курсе. Для большинства реальных правителей России описанная общая картина дифференцирующей динамики крестьянского общества была самоочевидной истиной, являясь частью господствующей идеологии, как в пропагандистском, так и в теоретико-познавательном смысле. Именно этот взгляд был органической частью аграрной политики российского государства в течение революционной эпохи и крестьянской войны 1902-1922 гг. и позднее, предопределив дальнейшую судьбу страны. Крестьянство должно было расколоться на новые сельские классы, характерные для капиталистического общества: капиталистических фермеров, наемных рабочих и т.д., которые будут все более проникаться классовым самосознанием и готовностью к политической борьбе за свои интересы. На этом основывалась политика всех российских правительств с 1906 по 1929 гг., сколь бы различны ни были их цели.

Решающим фактом деревенской истории России этого периода явилось то, что столь очевидные в преобладающей теории изменения социальной структуры и политического поведения крестьянства не произошли. Ни богатые крестьяне, ни сельские бедняки, ни батраки не стали действовать как особые межсельские социально-политические группировки. В фактах социально-экономической дифференциации крестьянства сомневаться не приходится: данных, свидетельствующих об этом, более чем достаточно. Однако, несмотря на дифференциацию, российская деревня продолжала демонстрировать высокую политическую сплоченность и единство действий. Это с особой силой проявилось в революциях 1905-1907 и 1917-1922 гг., но было характерно для всего периода первых десятилетий XX в.

Повторяя Ленина времен до 1920 г., советские историки упрямо выделяли в крестьянской революции 1905-1906 гг. две составляющие: 1) борьба деревенской бедноты против деревенских богачей, 2) крестьянства в целом против помещиков. Однако рассмотрение их же работ заставляет отбросить заключения этого вида. Основную массу документов о сельской революции 1905-07 гг. составляют полицейские отчеты об "аграрных беспорядках". В них, по анализу советских ученых, 62% случаев квалифицировалось как действия крестьян против помещичьих хозяйств, 13,4% - как сельские стачки (направленные также против крупных помещиков) и 14,5% - как действия против полиции и армии (которые направлялись в деревню, прежде всего, чтобы защитить поместья). Лишь 1,4% случаев связаны с борьбой внутри крестьянства, будучи направлены против зажиточных или "выделившихся" крестьян. Более того, масштаб действий крестьян против других крестьян в революционный период фактически уменьшился.

Последующий период прошел под знаком решительной попытки Столыпина "сделать ставку не на худых и пьяных, а на крепких и сильных". Если верить тому, что писала по этому поводу правительственная пресса, эта политика реформ была успешной⁴. Однако дальнейшие события показали, насколько эти успехи были "дутьими" и на удивление легко свелись на нет в 1917-18 гг.

Описание событий аграрной революции 1917-1919 гг. чаще всего увязывалось советскими историками с тем, что Ленин задолго до этого высказал в порядке теоретического предвидения: непосредственно за антифеодальной революцией всего крестьянства следует антикапиталистическая революция деревенской бедноты против деревенских капиталистов. Соответственно утверждалось, что вслед за первым этапом аграрной революции, на котором крестьянство взяло земли российских помещиков, наступил этап уравнительной революции бедноты, изымающей земли богатого "кулачества".

Однако в этой схеме ожидаемого и заявляемого ex post factum явно есть какой-то изъян. Российские крестьяне широко сопротивлялись белым в 1918-1919 гг., а к концу 1920 г. обнаруживали примечательное единодушие в активном и пассивном сопротивлении - на этот раз политике большевиков. Как объяснить такое политическое единство односельчан лишь год спустя, если бы в 1917-1918 гг. внутри крестьянства бушевала братоубийственная война за землю? "Кулаки", согласно советским историкам, составляли бы 20% крестьянского населения - до 20 млн. "душ", наиболее хорошо организованные хозяйства сельской России⁵. Вместе с родственниками, иждивенцами, взрослыми сыновьями, только что вернувшимися из армии и. как правило, вооруженными, "кулаки" должны бы составить грозную силу. Если бы у них-то в течение года-двух бедные односельчане отняли 50 млн. га их земель, это должно было сопровождаться гигантской междоусобной войной. Однако ни о чем подобном история почему-то не сохранила свидетельств. Пять десятилетий политического заказа и упрямых поисков советскими историками зафиксировали, конечно, некоторые схватки внутри деревень в 1917-1919 гг. Но все это не идет ни в какое сравнение с крестьянскими "волнениями" 1906 или 1920 гг. Да и эти примеры деревенских конфликтов при более внимательном рассмотрении чаще всего оказываются, по сути, протестом против обложения и обнаруживают не столько классовый конфликт, сколько единство крестьянской общины в противостоянии вторжению извне⁶. Возникает вопрос: что же заставило могущественных кулаков смиренно принять то, что для них было бы грабежом? Или же: в чем ошибки теории двух этапов аграрной революции?

Далее. После октябрьских/ноябрьских событий 1917 г. новое правительство предприняло попытку "сделать ставку" на сельский пролетариат, сплотить и активизировать деревенскую бедноту как союзника городской пролетарской революции. Комбеды, учрежденные для проведения реквизиций продовольствия на нужды города, имели заданной целью "социализацию" деревни путем мобилизации бедноты на вторую революцию против сельских "кулаков". Однако менее чем через год от этой политики пришлось отказаться и расформировать комбеды. Ведущий английский историк этого периода, во многом близкий по взглядам советским историкам, так охарактеризовал данный шаг: "вовремя признанное поражение - сдача позиций, которые невозможно удержать"⁷. Аналогичной была судьба политики так называемого "государственного регулирования сельского хозяйства" в 1919 и 1920 г. Попытки советского правительства расколоть крестьянство, чтобы обрести в сельской бедноте опору большевизма, потерпели провал.

Принятие новой экономической политики в конце 1920 г. по существу означало, что правительство, победившее и белых, и внешнюю интервенцию, не выдержало силы крестьянского сопротивления и признало российское крестьянство автономным, могущественным и сплоченным социальным классом, пойдя на компромисс с ним. Попытки организовать отдельно деревенскую бедноту в нэповский период не имели успеха. И когда новый жесточайший нажим ради "социализации" деревни пришел в форме насильственной коллективизации, то, что определялось, а в какой-то мере и ожидалось, т.е. социалистическая революция бедных слоев деревни (при поддержке городских пролетариев и советского государства) против своих эксплуататоров, обернулось "битвой... более грозной и опасной... чем битва при Сталинграде, между всеми силами советского государства и по-прежнему единым российским крестьянством"⁸. При всех различиях программ и правительств политическая история сельской России XX века определилась глубочайшим несовпадением между тем, что ожидалось власть имущими, и тем, что произошло.

Возможны три подхода к явной неспособности теорий предвидеть, объяснить реальные факты сельской истории России. Можно просто игнорировать проблему необъяснимо высокого уровня сплоченности крестьянства России в рассматриваемый период. В этом отношении многие советские историки (особенно после коллективизации) и некоторые их западные последователи упорно и тупо твердили о "двух революциях" в деревне. В этом смысле можно не принимать классового анализа как

такового, отрицать связь между социально-экономическим положением и политическим поведением. Однако материал российской истории и данные современной политической социологии не позволяют сделать столь "легкий" вывод.

Второй возможный взгляд сводится к тому, что и изначальный теоретический анализ был верным, и факты, опровергающие его, тоже верны. Просто времени было недостаточно, чтобы предполагаемый процесс произошел. В рамках такого подхода особый интерес для исследователей представляют факторы "социальной инерции", которые сработали как тормоз ожидаемых перемен. В нашем случае размышления в этом направлении повлияли на некоторые интересные исследования в области крестьянской культуры и организации крестьянской общины⁹. Одним из выражений этого взгляда стало рассмотрение вопроса, насколько низкий уровень развития на отправном этапе (т.е. бедность в целом и низкие доходы в сельском хозяйстве) замедлил процесс формирования основного капитала. Все эти факторы, безусловно, играли роль определенного тормоза социальных изменений. Однако они вряд ли достаточны, чтобы объяснить не ослабление признаков ожидаемого процесса, а их отсутствие. Остается необъяснимым, почему крестьяне сохраняли политическое единство и социальную сплоченность в один из самых бурных периодов российской истории.

Можно предположить, наконец, что какой-то важный элемент проблемы выпал из поля зрения аналитиков как на уровне общей теории социально-экономических изменений в российской деревне, так и на уровне фактов. В таком случае он должен быть уловлен и рассмотрен на материалах эмпирических исследований и аналитически. Попробуем встать на этот путь.

Начну с эмпирических данных. Важнейшим методом анализа социально-экономической поляризации деревенского населения были сельские имущественные переписи (в особенности "повторные") и бюджетные исследования. Так называемые бюджетные исследования были впервые разработаны Ф. Щербиной в Воронежском земстве. С 1920 г. они издавались ежегодно на региональном и общенациональном уровне при репрезентативной выборке сел. В этих исследованиях был представлен систематический анализ расходов и доходов (input/output) по каждому из исследуемых хозяйств, включая труд, производство, потребление, реализацию, налоги и накопление, а также описаны основные факторы производства: земля, рабочая сила, инвентарь и т.д. Эти данные классифицировались по социально-экономическим слоям деревни. Как дореволюционные, так и послереволюционные бюджетные обследования выявили ясную взаимосвязь между размерами крестьянских хозяйств и их достатком. Высвечивалась также выраженная устойчивая тенденция роста экономической силы "сильных" и углубления слабости "слабых". Например, производительность - и в валовых показателях, и на каждого работника - была выше в крупных и состоятельных крестьянских хозяйствах и ниже в мелких и бедных. Бюджетные обследования давали четкие доказательства социально-экономической дифференциации сел России и, по крайней мере на первый взгляд, поддерживали логику экстраполяции, т.е. предопределение процесса обязательно углубляющейся социально-экономической поляризации в российских деревнях. Единственное исключение здесь - период 1917-1919 гг. О нем ниже.

В России периода войны, революции и НЭПа был проведен также ряд общенациональных переписей в 1916, 1917, 1919, 1920 и 1926 гг. Сравнительный анализ переписей подтвердил то, что опять за исключением периода 1917-1919 гг. - процесс поляризации развивался.

Несмотря на кажущуюся очевидность этого положения, подтверждаемую как общепринятыми экономическими теориями, так и фактическими данными обследований и сельских переписей, при более внимательном рассмотрении поляризация как определяющий социо-экономический процесс сельской России, - неправда или, точнее, не вся правда. Созданная русскими крестьяноведами новая методология исследований показывает, что основной характеристикой социально-экономической мобильности крестьянских хозяйств в России в то время была *разнонаправленность*. Явление поляризации существенно. Но с ним переплетается, ему противодействует обратная

Таблица 1

Мобильность крестьянских хозяйств Вяземского уезда, 1884-1900

А. Изменения в социально-экономической дифференциации

Год	Группировки хозяйств по площади посева (в %)				
	Без посевов	Менее 3 десятин	3-9 десятин	Более 9 десятин	Общая
1884	14.3	24.2	56.9	4.5	100
1900	9.5	24.6	59.2	6.7	100
Изменение хозяйств по группам	-4.8	+0.4	+2.3	+2.2	9.7

Б. Динамическое исследование

Площади посева в 1900 (в % от предыдущих данных)

Группировки хозяйств по площади посева	Количество крестьянских хозяйств в 1884 г.	Без посевов	Менее 3 десятин	3-9 десятин	Более 9 десятин	Общая	Мобильность хозяйств по группам (%)
Без посевов	1 329	49.0	26.3	23.6	1.1	100	51.0
Менее 3 десятин	2.249	10.7	39.7	48.3	1.3	100	60.3
3-9 десятин	5.238	4.1	19.6	68.7	7.6	100	31.3
Более 9 десятин	413	3.2	10.6	65.3	20.9	100	79.1
Все группы	9.294	-	-	-	-	-	44.5

тенденция, где множество зажиточных хозяйств идут вниз, в то время так положение значительного числа более бедных хозяйств улучшалось. Сравнение последовательных переписей крестьянских хозяйств улавливало лишь "вершину айсберга" реальных социально-экономических подвижек, т.е. перевеса поляризации или выравнивания. Позднее эти процессы оказались характерны для крестьянских обществ других регионов мира¹⁰.

Свидетельства разнонаправленных или даже циклических процессов социально-экономической динамики российского крестьянства содержатся в так называемых "динамических исследованиях". Положенный в их основу метод напоминает то, что современные психологи и демографы называют когортными исследованиями (cohort studies). Обследование одной и той же группы крестьянских хозяйств повторялось через определенные промежутки времени; фиксировались социальные и экономические изменения в крестьянстве в целом, а также в отдельных крестьянских хозяйствах. Таким образом, получается выборочная история жизни этих хозяйств, выраженная в статистических данных, показывающих их переходы в разные социально-экономические слои. Пример применения данного метода - результаты дореволюционного динамического исследования, проведенного П.П. Румянцевым¹¹ (табл. 1).

Прямое сравнение социально-экономической дифференциации хозяйств, зафиксированной в 1884 и в 1900 г., показывало, что процесс поляризации в этот период практически не развивался. Всего 9,7% хозяйств - "вершина айсберга" - изменили свое положение в плане принадлежности к той или иной социально-экономической группе. Динамическое исследование той же выборки обнаруживает, что в действительности почти половина из этих хозяйств к 1900 г. оказались в другой категории, чем первоначально, причем наиболее активно эти изменения затрагивали беднейшие и самые зажиточные слои (из высшей категории хозяйств четыре пятых утратили свои позиции за исследованный период).

Начало динамическим исследованиям положил Н. Черненков в 1897 г. До революции было опубликовано еще четыре такие работы¹². В послереволюционный период в ЦСУ под руководством А. Хрящевой из ведущих в прошлом земских статистиков России было создано особое подразделение для этой работы. ЦСУ печатало все более

Мобильность крестьянских хозяйств в регионах РСФСР, 1920–1924 (Волости не пострадавших от голода 1921 г. губерний)

А. Изменения в социально-экономической дифференциации

Год	Группировки хозяйств по числу рабочего скота (в %)				
	Без рабочего скота	1 лошадь	2 лошади	Более 2 лошадей	По всем группам
1920	30.0	63.9	5.8	0.3	100
1924	33.3	61.1	5.4	0.2	100

Б. Динамические исследования

Группировки хозяйств в 1920 г.	Число исследованных хозяйств в 1920 г.	Из них прошли "органические изменения" в % к 1924 г.				Хозяйства "без органических изменений" к 1924 (%)			Все хозяйства (%)
		Разделились	Объединились	Выселились и ликвидировались	Вместе	Остались в той же группе	Перешли в более точную категорию	Перешли в менее точную категорию	
Без рабочего скота	22.364	3.6	3.8	13.2	20.6	56.4	23.0	–	100
1 лошадь	47.534	10.7	1.8	2.1	14.6	68.5	5.0	11.9	100
2 лошади	4.344	28.2	1.4	1.6	31.2	29.8	2.0	37.0	100
Более двух лошадей	211	43.6	2.8	0.9	47.3	9.5	–	43.2	100
Все группы в целом	74.453	9.7	2.4	5.4	17.5	62.3	10.3	9.9	100

тонкие и сложные исследования, разрабатывало методики достижения репрезентативности и надежности как общих данных, так и по регионам. Употреблялся гнездовой метод отбора, при котором повторные исследования проводились в избранных деревнях. Создав модель годичного мониторинга крестьянской России, российское крестьяноведение оказалось и впрямь "впереди планеты всей". Масштаб мониторинга включал к 1927 г. более чем 600.000 крестьянских хозяйств ежегодно. Из этой выборки формировалась добавочная выборка меньших размеров для репрезентативных бюджетных исследований. Статистические данные, собранные за четыре десятилетия динамических исследований российского крестьянства, отчетливо показывают, что социальная мобильность крестьянских хозяйств все это время оставалась схожей по форме, т.е. близкой схеме, описанной в исследовании П. Румянцева. О принципиальном сходстве этих процессов свидетельствуют все динамические исследования, проведенные в разные пред- и послереволюционные периоды по разным регионам с привлечением разных показателей крестьянского достатка (земля, площадь посева, количество лошадей, а позже даже "степень эксплуатации наемного труда в хозяйстве"). Результаты динамических исследований различались лишь количественно: было выявлено увеличение степени социальной мобильности в послереволюционный период и несколько более высокий уровень ее на сельскохозяйственном юге и юго-востоке России по сравнению с севером и западом. Материалы ЦСУ 1920-х гг. дали широкое, репрезентативное подтверждение этому¹³ (табл. 2,3).

Прежде чем мы попытаемся показать, как неожиданные характеристики социально-экономической мобильности могут помочь в объяснении неожиданного социально-поли-

Мобильность крестьян в 16 губерниях Европейской части России, 1924–1925 гг.

Группировки хозяйств 1924 г. по площади посевов	Хозяйства, прошедшие органические изменения в 1924–5 гг. (%)				Хозяйства, оставшиеся без органических изменений в 1924–5 гг.										Все хозяйства (1–3 + А–З)	
	Разделились	Объединились	Выселились или ликви- дировались	Вместе (1–3)	Из них в обоснованных группах к 1925 г.											Изме- нившие группу (%)
					А	В	В	Г	Д	Е	Ж	З	Обще А–З			
А. 0.1 десятины	0.3	1.2	15.7	17.4	58.1	20.3	3.1	0.8	0.2	0.1	0.0	0.0	82.6	24.5	100	
Б. 0.1–2 десятины	1.3	0.7	3.5	5.6	1.1	74.8	17.7	0.7	0.1	0.0	0.0	0.0	94.4	19.6	100	
В. 2.1–4 десятины	2.7	0.3	1.9	5.0	0.1	9.1	71.1	13.4	1.3	0.0	0.0	0.0	95.0	23.9	100	
Г. 4.1–6 десятин	4.0	0.3	1.5	5.9	0.1	0.8	17.3	60.0	15.5	0.4	0.0	0.0	94.1	34.1	100	
Д. 6.1–10 десятин	7.5	0.2	1.2	9.1	0.1	0.2	3.0	17.6	63.2	6.6	0.2	0.0	90.9	27.7	100	
Ж. 10.1–16 десятин	12.0	0.4	0.8	13.5	0.0	0.1	1.4	5.7	29.2	44.6	5.4	0.1	86.5	41.9	100	
З. 16.1–25 десятин	12.2	0.6	1.2	14.4	0.0	0.2	0.6	0.8	6.1	32.7	39.9	5.3	85.6	45.5	100	
Е. Более 25 десятин	17.4	–	–	17.4	0.0	0.0	0.8	0.0	1.7	5.8	28.9	45.4	82.6	37.2	100	
Все группы	2.7	0.5	2.8	6.0	2.1	33.4	34.6	14.9	7.5	1.2	0.2	0.0	93.9	34.2	100	

тического поведения российского крестьянства, рассмотрим ее причинность. Реальная картина социально-экономической мобильности крестьянских хозяйств России гораздо сложнее, чем "монистическая" модель поляризации. В ней присутствуют процессы трех типов: поляризация, выравнивание и разнонаправленность одновременных и в высокой мере автономных. К тому же они определяются не только экономической, но и демографической, культурной причинами.

Представим эти параллельные причинности:

1. Накопление преимуществ и недостатков способствовало поляризации, как и предсказывалось классической и неоклассической экономической теорией и фиксировалось бюджетными исследованиями.

2. В то же время ряд процессов уравнительного свойства был связан с избирательным характером крестьянской мобильности по отношению к разным социо-экономическим слоям деревни.

2.1. В российском крестьянстве существовала прочная взаимосвязь между достатком хозяйства и его размером. Чем богаче хозяйство, тем больше семья и количество сыновей в ней. Следовательно, тем более многочисленны хозяйства в результате раздела между сыновьями при "выделе". (Слово "наследование" здесь не подходит: большинство крестьянских сыновей получали свою долю до смерти родителей.) Чем богаче/крупнее, тем скорее распад и сползание создавшихся хозяйств в менее состоятельные категории, где перестает действовать "накопление преимуществ".

2.2. Все исследования показывают значительное число слияний крестьянских хозяйств (в основном, связанные с женитьбой) и его негативную корреляцию с размером хозяйств. Бедность и обеднение крестьянских хозяйств России чаще всего означало отсутствие какого-то из решающих факторов крестьянского производства: мужская рабочая сила, земля или лошади. Слияние (скажем, брак парня с землей и девушки с лошастью) восстанавливало операциональную эффективность бедных хозяйств и выражало ясно выраженную семейную стратегию их экономической самозащиты.

2.3. Уровень вымирания и ухода из сел крестьянских семей находился в прямом соотношении с размерами и достатком хозяйств. Чем беднее и мельче хозяйство, тем реальнее была возможность его исчезновения из сельского общества. Выборочность вымирания и ухода крестьянских семей постоянно "очищала" деревню от хозяйств бедных и беднеющих. Между прочим, более высокий уровень ухода из сел наблюдался и на полюсе наиболее богатых хозяйств. В этом случае они чаще всего уходили в купеческую деятельность мелких и средних городов. Группа эта была количественно небольшой, но и этот процесс был "анти-поляризационным".

Дифференциация процессов в структурах крестьянских хозяйств (по российской терминологии этого периода, - "*органических изменений*", т.е. выделение, слияние хозяйств, их вымирание и уход из сел) обуславливал мощную уравнительную тенденцию. Ее усиливали уравнительные общинные переделы земли там, где действовала эта практика.

Одновременное действие тенденций поляризации и выравнивания выражается в крестьянской социо-экономической мобильности как разнонаправленность и, возможно, цикличность.

3. Некоторые причинности, заложенные в крестьянском жизнеукладе, были сами по себе разнонаправленными и/или циклическими, усиливая тенденции, выраженные выше. Для крестьянской экономики с ее ограниченными ресурсами в этом нашли особо сильное выражение факторы риска, заданные природой, рынком и государственной политикой.

Признание мощной, устойчивой тенденции к разнонаправленности или цикличности социально-экономической мобильности русского крестьянства ведет к необходимости переосмыслить саму сущность ее социально-политических последствий.

Если отставить чистую идеологию, основным аргумент в пользу того, что "вторая революция" 1917-1919 гг. имела место, составляет сравнение сельских переписей 1917, 1919 (и 1920) гг., показывающих количество земли и лошадей в каждом хозяйстве. Число хозяйств значительно возросло. Произошел относительный экономический подъем безземельных и беднейших крестьян, получивших свою долю при разделе

помещичьих земель 1917-1918 гг. Считать это результатом экспроприации зажиточного крестьянства беднейшим - значит игнорировать тот факт, что после четырех лет войны, когда резко замедлился процесс "раздела" хозяйств, миллионы крестьянских сыновей вернулись в одночасье из армии. Это были молодые крестьяне, повзрослевшие на войне и весьма решительно настроенные жениться и обзавестись хозяйством, затребовав свою долю в обществе, где обычай предполагал право взрослых сыновей на долю земли, пастбищ и лошадей как в семье, так и в селе. Возвращение бывших солдат в особенности вело к разделам многосыновних/зжиточных хозяйств. Да и что могло быть более разумным, когда от нового социалистического правительства можно было ожидать прогрессивного налогообложения, а может даже и уравнилельной реформы? Немногие проведенные в этот период исследования обнаруживают, что в более чем в половине зажиточных хозяйств произошло выделение. Темпы выделения в 1917-1920 были в десять раз выше, чем в 1914-1917 гг.¹⁴ Данные свидетельствуют также, что в это время необычайно быстро сокращается численный состав зажиточных хозяйств. Таким образом, представления советских историков о внутрикредстьянской революции 1918-1919 гг. (доказательств чему нет) с последующей в течение года мощной крестьянской войной по всей России, в которой села выступали как единое целое (свидетельств чему в избытке), не отвечают действительности. Внутрикрестьянскую войну, как и "кулацкую" контрреволюцию 1918 г. никак не удастся найти в исторических источниках потому, что не было "антикулацкой" крестьянской революции. Единство крестьянства в 1917-1919 гг., в 1919-1920 гг. и далее было закономерным результатом социально-экономической динамики.

Анализ социально-экономической мобильности крестьянства отнюдь не исчерпывается рассмотрением уравнилельных процессов. Массовая мобильность должна была отрицательно сказаться на самой тенденции классового оформления бедных и богатых в селах. Этот эффект хорошо знаком социологам. Еще в 1907 г. В. Зомбарт указывал, что важнейшим определяющим фактором низкого уровня классового самосознания и снижения остроты классовых антагонизмов является высокая вертикальная мобильность. Если в самом деле "каждый класс напоминает отель или омнибус, всегда полный людьми, но все время разными"¹⁵, то низкий коэффициент текучести непосредственно влияет на тенденцию развития социально-экономических слоев из "класса в себе" в "класс для себя", из социально-экономической категории в социально-политическую силу, склонную к самоорганизации и сознательной борьбе за свои коллективные интересы. Высокая мобильность неизбежно влияет также на восприятие местной элиты крестьянскими общинами. Крепкий и удачливый сосед будет видаться им не как эксплуататор, а как естественный лидер.

Прежде чем перейдем в завершение к рассмотрению того, какие дальнейшие политические выводы следуют из моего анализа, уместно сказать, что из него *не следует*. Концепции разнонаправленной и циклической мобильности не дают универсального ключа к пониманию крестьянских обществ как таковых, безотносительно времени и пространства. Они тесно переплетены с множеством факторов. Влияние социально-экономической дифференциации на политическое сознание российского крестьянства и на возможное деление его на противоборствующие классы следует понимать в рамках характеристик крестьянской социальной структуры вообще и ее основных элементов (семейное хозяйство, крестьянская деревня), развивающихся собственными путями, хотя и подвергаясь, конечно, воздействию внешнего, некрестьянского общества. Анализ крестьянской социальной мобильности нужно соотносить с тем, на каком этапе и до какой степени социально-экономическая дифференциация является решающей гранью конфликта определенного сельского общества.

Жизнь крестьянства связана с множеством открытых и скрытых конфликтов, напряженностей между социально-экономическими слоями, представителями разных полов и возрастных групп, кланами, фракциями и патронажными сетями. Главный вопрос политической социологии российского крестьянства состоит в установлении для каждого конкретного периода истории *доминирующего* конфликта, который бы структурировал

другие конфликтные ситуации и обозначал границы и фронты политических противостояний. В течение десятилетия 1919-1929 гг. в крестьянской деревне мощь общинных структур переплеталась с действием мобильности крестьянства, влияя на значительное ограничение внутриобщинной борьбы, снижая, в частности, напряжения между социально-экономическими слоями сел. В этих условиях доминирующим конфликтом сельской России к 1920-му г. стал конфликт между крестьянством и советским государством, что на местном уровне находило прямое выражение в противоречиях между общинным самоуправлением, с одной стороны, и волостными органами Советской власти и партячейками, с другой. Крестьянские общины в этот период действовали в условиях широкой независимости. Чаще всего им противостояли небольшие тесно переплетенные группы чужаков-чиновников и/или партийцев. То, что многие из них были сыновьями крестьян, через Красную Армию и/или комсомол попавшими в "аппарат", часто делало из них чужаков в квадрате - аппаратчиков, которым особо ненавистен был сельский быт. Жизнь и деятельность групп полномочных представителей государства часто напоминала крепости на территории врагов, до которых они доводили требования центральной власти. Структурный конфликт между этим волостным звеном "власти" и крестьянскими общинами послужил мощным дополнительным фактором сплочения последних, перевешивая их различия. Описанная социально-экономическая мобильность, сплетаясь с ними, усиливала подобные тенденции¹⁶.

Это значит, что подход советской исторической науки к истории сельской России до коллективизации нуждается в серьезных коррективах. Рассмотрение роли социально-экономической мобильности в сельской истории России помогает объяснить неудачу теоретических построений и политической стратегии, которые исходили из обязательной быстрой поляризации крестьянства. Реальные данные и анализ политической истории сельской России не подрывают основ классической политэкономии и политической социологии, а лишь опровергают варианты их грубого применения. Требуется просто более точный, тонкий и многофакторный социологический анализ исторической действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь П.А. Столыпина на заседании Думы в 1907 г. Цит. по: *Большаков А.* История хозяйства России. Т. III. М., 1926. С. 26-27.

² *Shanin T.* Russia as a Developing Society. The Roots of Otherness. Vol. I. Yale University Press. 1985. Революция как момент истины. М., 1997.

³ *Шанин Т.* Идея прогресса // Неформальная экономика. Россия и мир. М: Логос. 1999. С.545-554.

⁴ См.: *Robinson OT.* Rural Russia under the Old Regime. N.Y., 1949. Chapters VI. VII: см. также: *Дубровский С.* Столыпинская земельная реформа. М., 1963.

Большая советская энциклопедия (2-е изд. Т. 23. С. 327) дает оценку хозяйств кулаков в 15 процентов от общего их числа, причем их размеры значительно превышали средний размер крестьянского хозяйства.

⁶ См., например, введение к: *Аверьев В.* Комитеты бедноты. М. 1933.

⁷ *Carr E.H.* A History of Soviet Russia. Vol. 11. L., 1963. P. 159.

⁸ Так, по воспоминаниям У. Черчилля. Сталин характеризовал коллективизацию. См.: *Maclean G.* Eastern Approaches. L., 1951. P. 360.

⁹ См., напр.: *Male D.J.* The Village Community in the USSR, 1925-1930 // *Soviet Studies*, XIV (January 1963). № 3: *Taniichi Y.* The Village Gathering in Russia in the Mid - 1920s. Birmingham. 1968: *Lewin M.* Russian Peasants and Soviet Power. L., 1968.

¹⁰ *Yang Chang Kun.* A Chinese Village in Early Communist Transition. NY., 1959: *Ajami I.* Social Classes. Family Demographic Characteristics and Mobility in Three Iranian Villages // *Sociologia Ruralis*. 1969. V. IX. № 1. P. 62-72; *Stirling P.* Turkish Village. L., 1965.

¹¹ К вопросу об эволюции русского крестьянства. Очерки реалистического мировоззрения. СПб., 1906.

¹² *Черненко К.* К характеристике крестьянского хозяйства. М., 1905.

¹³ *Хрящева А.* Условия эволюции крестьянского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. № 5. С. 59: *Она же.* Группы и классы в крестьянстве. М., 1926. С. 15. 139-140. 146-147.

¹⁴ См.: *Хрящева Л.И.* Социалистическое хозяйство. 1924. № 2. С. 57. Также: *Большаков А.* Современная деревня в цифрах. М., 1925. С. 32.

¹⁵ См.: *Shumpeter J.A.* Imperialism and Social Classes. NY., 1951. P. 165.

¹⁶ Подробный анализ политической социологии российской деревни в 1917 г. см.: *Shanin T.* The Awkward Class. Oxford. 1972. P. 111.